

АНДРЕЙ ГЕЛАСИМОВ

Дом
на
Озёрной

25
ЛЕТ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «ДОМ»
ГОРГОДИСШ

Андрей Геласимов
Дом на Озёрной

ИД «Городец»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Геласимов А. В.

Дом на Озёрной / А. В. Геласимов — ИД «Городец», 2021

ISBN 978-5-907358-43-0

У Димки есть план, как заработать много денег за месяц. Не хватает лишь одного — стартового капитала. Но у Димки есть три сестры, которых можно попробовать убедить в гениальности идеи. И вот, рискнув всем и заложив свои квартиры, сестры вместе со своими семьями оказываются под крышей отчего дома на Озёрной. Три поколения семьи Седовых, потеряв практически все, сообща ищут выход из ловушки, в которую они попали из-за непутевого Димки. А общая беда объединяет многочисленных родственников, восстанавливая разорванные ранее отношения. Теплая и трогательная история, напоминающая о важности семейных ценностей.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907358-43-0

© Геласимов А. В., 2021
© ИД «Городец», 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Геласимов

Дом на Озёрной

© А. Геласимов, 2021

© ИД «Городец», 2021

Глава 1

Таблеток Женька наелась примерно за месяц до своего четырнадцатого дня рождения. Особой подготовки никакой не было, и мысли о смерти до этого ее посещали не то чтобы очень часто, но в тот идиотский день жизнь у нее расклеилась окончательно.

Со своей небольшой четырнадцатилетней колокольни она ощущала себя сильно расплюснутым, некрасивым, одиноким и, самое главное, толстым существом, до которого абсолютно никому нет дела. Изучив по глянцевым журналам и в интернете биографии знаменитых в прошлом толстых людей, она пришла к выводу, что у Демиса Руссоса в качестве компенсации был ангельский голос, у Елены Цыплаковой – талант и волшебная красота, а у Сергея Крылова – удивительное чувство юмора и бездна личного обаяния. На фоне всех этих достоинств лишний вес хоть и выглядел физически безобразно, однако с ним можно было мириться. Тогда как в ее, Женькином, случае вес был единственным выдающимся качеством, которым она могла себя описать.

Когда ее бабушка сердилась на дедушку, она любила говорить:

– Старость хороша тем, что вместе с нею приходит мудрость. Но иногда старость приходит одна.

Вот так и к Женьке лишний вес пришел совершенно один и стал ее единственным наперсником и товарищем. Родители были слишком заняты друг другом, чтобы замечать ее недовольство собой и окружающим миром, в котором одноклассницы порхают на переменках как бабочки, а мальчики обращают на тебя внимание только на уроках физкультуры, когда на время игры в футбол им нужен кто-то очень надежный в защиту. Женька всегда соглашалась вставать у ворот и, когда настроение было особенно паршивым, с удовольствием раскидывала щуплых недоростков, возомнивших себя нападающими, а те бились об нее, как снежинки бьются о стекло в зимний ветреный день.

Быть может, именно поэтому ей легче было найти общий язык со своим отцом, чем с мамой, хотя у других девочек, насколько она знала, было наоборот. Усаживаясь рядом с ним у телевизора во время трансляции футбольного матча, она всегда симпатизировала защитникам, а не нападающим. Форварды красовались перед телекамерами, картинно падали в штрафной площадке, подолгу жаловались арбитру, понимая, что все это время их снимают десятки крупнейших в мире телеканалов, а защитники скромно отходили на свои места, попадая в кадр только в момент столкновения или его повтора, и за это Женька любила их всей душой. Она очень рано поняла, что защита важнее нападения.

В их семейном сражении, которое длилось уже не один год, в атаке играла Женькина мама. Одной из ее первых и самых значительных побед было распределение имен между супругами. Ей по праву досталась полная и официальная форма ее имени – Мария, и никому из ее ближайших родственников, включая родителей и сестер, даже в голову не приходило назвать ее Машей, и уж тем более Машенькой. В то время как ее мужа никто и никогда не называл Вячеславом. Никто, скорее всего, и не помнил, что его так зовут. Для всех, кроме своей дочери, он был просто Тетерин. Про них так и говорили: «Мария с Тетериным не придут», «Мария с Тетериным опять поругались», как будто, выйдя за него замуж, она не только не приняла его фамилию, но по какой-то странной причине даже лишила его собственного имени.

В то злополучное утро Мария за завтраком атаковала Тетерина активнее, чем обычно, а он опускал голову к своей тарелке заметно ниже той невидимой черты, которую давным-давно провела для него Женька. Черта эта тянулась по всей их крошечной квартире, и он двигался по ней, как троллейбус по проводам, поднимая время от времени обе руки над головой, когда уже был не в силах выслушивать упрёки жены.

«Интересно, зачем они поженились?» – уныло думала Женька, разглядывая отражение своего круглого лица в чашке с чаем.

– Может, хватит мечтать? – повернулась к ней Мария, как будто почувствовала первые признаки бунта. – Тебе не пора в школу?

Женькина классная руководительница любила ее родителей. Богатые семьи раздражали ее той пренебрежительной легкостью, с которой они отдавали деньги на ремонт, на охрану, на библиотеку и на все остальные зачастую бессмысленные школьные нужды, неустанно изобретаемые директрисой. Бедные, или, как их требовалось называть в учительской, малообеспеченные, злили постоянными придирками и проверками – на что были потрачены их жалкие средства. А Тетериных она считала равными себе интеллигентными людьми, потому что, как все остальные бедные, они явно отдавали последнее, но зато никогда не спрашивали – зачем.

* * *

Тетерины действительно были интеллигентной семьей, поэтому далеко не все вопросы их совместного быта подлежали публичному обсуждению, даже если под «публикой» подразумевалось всего два человека. Кое-что, о чем сам Тетерин с удовольствием бы поговорил, оставалось за рамками разговоров. Однако в то злополучное утро разговор на эту важную и щекотливую тему все-таки состоялся.

– Ты что, совсем с дуба рухнул? – пригвоздила его Мария, мгновенно поняв, о чем заикается ее муж, и потому успев прогнать Женьку из кухни. – Ты именно сегодня решил об этом поговорить?

Тетерин вздохнул и опустил голову еще ниже.

– Даже с медицинской точки зрения – это неправильно, – негромко сказал он. – Я с тобой сейчас как врач говорю.

Среди множества болезненных и нерешенных между ними вопросов один вот уже несколько месяцев был решен окончательно, изящно и бесповоротно. В любой полноценной семье, которая живет в однокомнатной квартире и в которой ребенок увеличился до размеров и интересов четырнадцатилетнего подростка, неизбежно возникает момент неловкости. Чтобы эту неловкость преодолеть, приходится ловить момент, когда незаметно увеличившийся и, к сожалению, многое понимающий ребенок либо уснет, либо уйдет в школу, либо увлечется чем-нибудь до такой степени, что потеряет всякую связь с реальностью. Можно, конечно, попробовать запереться в ванной, но ребенок ведь не дурак. Интернет в этом смысле давно уже исполнил все необходимые образовательные функции. И кто виноват, что двум образованным интеллигентным людям время от времени примитивно хочется того же, что барсучкам, слонам и лошадам на канале «Дискавери»?

Приходится вечно что-то придумывать.

Однако Тетерины в этом отношении были в более выигрышной позиции. Им не нужно было ничего придумывать. Секс по инициативе Марии ушел из их повседневного опыта, и у Тетерина появилась возможность испытать чувства великого Гете, который, по старости утратив мужскую силу, безмятежно радовался вновь обретенному покою, сравнивая себя с наездником, спрыгнувшим с дикого скакуна.

Закончив негромкую, но яркую отповедь, Мария вышла из кухни и посмотрела в пунцовое лицо дочери. Разумеется, Женька не собиралась подслушивать своих родителей, но акустическое устройство квартиры общей площадью двадцать восемь квадратных метров настолько нескромно, что даже глухой был бы введен в краску.

Чтобы преодолеть внезапный приступ смущения, Мария захотела сказать дочери что-то важное и даже успела подумать про контрольную, о которой за день до этого говорила ей дочь, но потом почему-то сбилась и строгим голосом сказала совсем другое:

– Женя, надо взять себя в руки. Посмотри – на кого ты похожа. Снова поправилась. Я тебе серьезно говорю – пора остановиться.

* * *

Из всех многочисленных родственников своей жены Тетерину легче всего было общаться с ее братом. Димка появился на свет гораздо позже своих сестер и характером походил на самую младшую из них, Томку. Оба они временами раздражали Марию болтливостью, поэтому во время семейных праздников у стариков на Озерной она могла встать и выйти во двор прямо посреди общего разговора. Впрочем, к ее поведению все уже давно привыкли, и веселье не затихало без нее ни на одну минуту.

Тетерину с Димкой, наоборот, было легко. Он всегда с удовольствием пожимал ему руку, улыбался в ответ и нисколько не завидовал его материальному успеху. Легкость и даже, наверное, легкомыслие, с которыми тот занимался своими торговыми делами, безотчетно радовали Тетерина и вселяли надежду на то, что в конечном итоге все будет хорошо, пусть даже необязательно у него самого. Димка вечно носился с какими-то коммерческими идеями, зарабатывал, прогорал, во что-то вкладывался, и Тетерину было приятно следить за этой бурлящей жизнью, хотя, как интеллигентный человек, он иногда корил себя за то, что симпатизирует, в общем-то, обыкновенному торгашу.

В глубине души он стеснялся этой симпатии, а в моменты душевного подъема и в первые несколько дней после зарплаты стеснялся и своих мыслей о жизненном успехе. В Москве, насколько он знал, интеллигенция уже давно не чуралась бизнеса и деловая хватка считалась там скорее достоинством приличного человека, но здесь, в глубокой провинции, интеллигенты по-прежнему носили круглый год одни и те же старые джинсы, перетягивали сломанные очки изолентой, пили плохую водку и сильно беспокоились о вечном.

– Не все, знаете ли, Чеховым теперь увлекаются, – вздыхала соседка Тетерина, бывшая учительница начальных классов, когда встречала его у лифта с потрепанной книжкой в руке. – А с другой стороны, денег в кармане от Антона Павловича не прибавится.

Насчет денег Тетерин был с ней согласен. Денег Чехов не приносил. После пятнадцати лет врачебной практики Тетерин уже наверняка знал, что в современной России нельзя жить на зарплату, но как на нее не жить, ему было неизвестно. Носителем откровения был веселый и беззаботный Димка. Чехова он никогда не читал, поэтому знал, как жить не на зарплату.

В то утро, когда Мария запретила Женьке толстеть, Димка примчался к Тетерину в поликлинику. Он должен был ехать в аэропорт, встречать свою третью сестру Валентину, но вместо этого, рискуя опоздать к рейсу, сидел в кабинете у Тетерина. Тот слушал его вполуха, занятый страшным сумбуром в своей голове, а Димка напористо говорил ему что-то чрезвычайно важное про жилищный вопрос, кредиты, откаты, про огромную партию компьютеров и почему-то Китай.

Все это было до такой степени дико, непонятно и неинтересно Тетерину, что, даже если бы он захотел в это вникнуть, ему потребовались бы нечеловеческие усилия. Теперь же, когда он мучительно разрывался между чувством стыда перед женой и чувством вины перед дочерью, Димкины разговоры о бизнесе были далеки от него как никогда раньше. Он рассеянно пролистывал принесенные медсестрой карточки пациентов, кивал Димкиным словам, а сам снова и снова переживал затеянный им с утра бесполезный и совершенно неловкий разговор о сексе. Чувствуя, что краснеет, он тер пальцами лоб, старался прикрыть лицо, и перед ним тут же возникала склоненная голова дочери, которая осталась сидеть на диване в какой-то неожиданной покорной и беззащитной позе, а он даже не попытался приободрить ее перед уходом.

Тетерину вдруг неудержимо захотелось встать и немедленно вернуться домой, чтобы сказать Женьке, что он ее любит, но потом он вспомнил, что она в школе, что у нее контроль-

ная и что перед Димкой будет неловко, и он взял себя в руки, разобрав наконец фамилию «Приходько» на потрепанной карточке. До этого фамилия расплывалась, ускользала, как будто издевалась над ним, но теперь полностью проявилась, и он поднял взгляд на Димку.

– Ты в аэропорт опоздаешь.

– Да ладно тебе, – махнул рукой тот. – Еще целый час. Ты лучше скажи – согласен или нет?

– На что? – Тетерин снова потер лоб рукой.

– Ты что, не слушал? – в голосе Димки зазвучала обида.

– Нет, почему... Я слушал... Компьютеры в Китае... Фонд помощи малому бизнесу...

– Ну? – Димка нетерпеливо хотел от Тетерина согласия на что-то, чего тот не понимал.

– Ты знаешь... Поговори сначала с Марией... Такие вопросы я не решаю...

Дверь за спиной у Димки открылась, и в кабинет заглянула сердитая старушка.

– Прием сегодня начнется? – строго спросила она. – У меня на девять часов талончик.

– А ну, дайте, пожалуйста, посмотреть, – решительно сказал Димка, поднимаясь из-за стола и подходя к двери.

Старушка послушно протянула ему клочок бумаги, косясь на Тетерина. Димка покачал головой.

– У вас печать неразборчива. Сходите в регистратуру, пусть поставят еще раз.

Не дав ей возможности возразить, он закрыл дверь, оперся на нее спиной и скрестил на груди руки.

– Не смотри на меня так, – невесело улыбнулся Тетерин. – Если честно, я совершенно не понял, что ты предлагал. Извини.

– Понятно, – усмехнулся Димка. – Ладно, сделаем так: я сейчас встречу Валентину с семьей и отвезу их на Озерную... Мария, кстати, уже уехала?

Тетерин кивнул.

– Хорошо. Значит, я там с ней об этом поговорю. Ты пойми, такой шанс выпадает нечасто...

Тетерин, как будто защищаясь, поднял над головой обе руки, и Димка засмеялся.

– Все с вами понятно, господин доктор. Витаєте в облаках. Ладно, вечером увидимся у стариков.

Он крепко пожал Тетерину руку и стремительно вышел из кабинета. Несколько мгновений Тетерин сидел неподвижно, словно ожидая, что Димка сейчас вернется и весело продолжит наседать на него, однако дверь оставалась закрытой.

Аккуратно сложив карточки на углу стола, Тетерин встал, чтобы пригласить первого пациента, но в этот момент дверь все-таки распахнулась и на пороге застыла почему-то побледневшая, взволнованная медсестра.

– Что такое? – настороженно спросил Тетерин, заранее уже ощутив нестерпимый холод под ложечкой, как будто все это время только и ждал, что она вот так придет, распахнет дверь и замрет на пороге не в силах сказать ему что-то страшное.

– Там... вашу дочь привезли на скорой...

Глава 2

К родителям на Озерную Мария приехала в состоянии крайнего раздражения. Выйдя из автобуса, она стремительно пошла по старому разбитому тротуару в сторону их дома, однако уже через несколько метров начала замедлять шаг и наконец остановилась. Ей надо было взять себя в руки. Ей надо было разобраться, разложить по полочкам, найти причину того, отчего ей хотелось разорвать в клочки первого встречного.

Мария перешла пыльную улицу, села на старенькую, давно не крашенную скамейку и закурила.

Во всем виноват был, конечно, Тетерин. Его глупые намеки на секс, его беспомощные притязания бесили Марию до такой степени, что, вспомнив теперь о них, она даже сломала сигарету, и пришлось лезть в сумочку за второй. Проезжающий в дорогом джипе толстяк подмигнул ей, и это почему-то рассердило ее еще больше.

На втором месте после Тетерина шла Женька. Мария никак не могла понять, почему, зная о своих проблемах, осознавая свой внешний вид и от всей души желая избавиться от лишнего веса, ее дочь тем не менее жрет по ночам. Сама Мария ела лишь столько, сколько было необходимо для поддержания в ней жизненных сил и бесконечных запасов раздражения.

Третьей причиной, которая привела Марию в привычное состояние легкого бешенства, было давно канувшее в Лету правительство Ельцина, а конкретно – Анатолий Чубайс. В том самом дурацком 1994 году, когда родилась Женька, руководивший приватизацией и занимавший пост главы Госкомимущества Чубайс всенародно заявил, что придуманный им ваучер равен по стоимости двум автомобилям «Волга». Это звучало здорово. Получалось, что одна только Женька, будучи совсем еще бесполезным и бессмысленным существом, уже принесла в дом как минимум две машины. И это не считая тех четырех автомобилей, которые полагались им на ваучеры Тетерина и Марии. То есть жизнь складывалась как нельзя лучше.

Однако с приватизацией что-то пошло не так. То ли подвели ваучеры, то ли «Волги», то ли Чубайс. Мария смогла обменять Женькин ваучер лишь на две бутылки водки, чтобы расплатиться с сантехником, и мизерность этой сделки она по каким-то своим тайным и странным причинам тоже переносила на Женьку.

Гораздо позже, уже после рокировки Путин-Медведев, она прочитала в интернете, что в том же 1994 году в Нижегородской, например, области один ваучер можно было обменять на две тысячи акций РАО «Газпром», которые в 2008 году стоили уже около семисот тысяч рублей. Известие радости не прибавило.

Впрочем, во всей этой истории больше всего ее напрягали не мифические семьсот тысяч, а то, что, несмотря на твердые обещания Чубайса, она была вынуждена добираться до живущих за городом родителей не на своей личной «Волге», а на рейсовом автобусе – вместе с какими-то бабками, их беспокойными внуками и сонным пьяницей, который уселся рядом, сопел и всю дорогу наваливался ей на плечо.

Было еще одно неловкое обстоятельство, связанное с приездом ее сестры, но об этом Мария не хотела сейчас думать. То, что произошло между ними пятнадцать лет назад и что вынудило ее младшую сестру Валентину не просто уехать, а даже скорее бежать из родного города, лежало у Марии на сердце тревожным чувством вины – чувством, признавать которое за собой она не привыкла.

Докурив сигарету почти до фильтра, она небрежно уронила окурки себе под ноги, встала со скамейки, поправила свои роскошные волосы и пошла к дому родителей.

* * *

Димка Седов сестру Валю почти не помнил. Когда ему было всего двенадцать, она буквально за одни сутки выскочила замуж и уехала скитаться по военным городкам и гарнизонам. В силу возраста он тогда не очень понял причин ее поспешного бегства, тем более что в семье об этом до поры до времени старались не говорить.

Выйдя от удрученного как всегда чем-то Тетерина, Димка помчался в аэропорт. Он понимал, что уже опаздывает к рейсу, но тем не менее заехал на рынок и купил огромный букет. Однако мысли его вращались не вокруг Валентины и ее долгожданного приезда. Он думал о Марии. Вернее, о том, как построить свой разговор с ней сегодня вечером на Озерной.

Димка немного боялся своей старшей сестры. Несмотря на то, что в семье он был всеобщим любимцем и многое ему позволялось, в сложных вопросах он старался избегать Марии. Именно поэтому со своей новой и, как ему казалось, гениальной идеей он обратился сначала к Тетерину, хотя и предполагал, что тот не только не возьмет на себя ответственности решить такой серьезный финансовый вопрос, но даже не рискнет стать ему в этом деле союзником.

Сложность его новой затеи состояла в том, что все свои предыдущие операции он проводил сам, рискуя только собственными активами, тогда как сейчас ему предстояло убедить всю свою многочисленную семью в необходимости и целесообразности участия в крайне рискованном предприятии. Впрочем, самому Димке новая комбинация казалась вполне надежной.

Его бывший одноклассник и лучший друг Витька Гробман, работавший в областной администрации, сообщил ему под строжайшим секретом, что вскоре будет объявлен тендер на поставку новых компьютеров для всех городских и районных школ. Димка немедленно связался со своими партнерами в Китае, и те нашли для него огромную партию компьютеров по низкой цене. Несмотря на то, что денег на такую закупку у него не имелось, он все же подал заявку на тендер. За небольшой, но вполне приятный процент Витька посодействовал ему на своем уровне, и конкурс был выигран.

Таким образом, на руках у Димки был договор государственного заказа, в Китае его ожидал готовый к отправке товар, но в этой цепочке не хватало главного. Не хватало энергии, которая должна была запустить в действие весь этот механизм. У Димки не было денег.

* * *

К дочери Тетерина пустили не сразу. Минут двадцать он неприкаянно слонялся по длинному, полутемному коридору, погибая от ужаса. В какой-то момент ему показалось, что он задыхается – как бывает во сне, посреди ночи, когда ты вдруг вскакиваешь с постели, хватаясь рукой за горло, или в детстве, когда падаешь на спину с большой высоты, и никак не вдохнуть, сколько ни старайся. Тетерин задержал дыхание и в панике начал прислушиваться к себе, одновременно думая о том, что он, может быть, сейчас умрет, и о том, что надо ли ему жить дальше, если Женьки не станет.

Все прежние страхи, которые мучили Тетерина, пока она была маленькой, снова вдруг ожили и набросились на него. Томительные минуты ожидания, когда она задерживалась вечером во дворе, паническая боязнь инфекций, травм, бешеных собак, маньяков, открытых канализационных люков, пьяных водителей, водоемов, качелей, безликие опасности, у которых даже нет имени, – все это восстало против него и передало ему горло.

Тетерин присел на обтянутую дерматином кушетку, но в этот момент большая белая дверь рядом с ним распахнулась, и в коридор вывели Женьку. Тетерин вскочил на ноги, мгновенно забыв про то, что он разучился дышать, и быстро пошел следом за каталкой. Он вглядывался в Женькино безжизненное лицо, в темные круги у нее под глазами, а шедший рядом

с ним бывший однокурсник Петя Смирницкий, который работал в реанимации, пытался успокоить его:

– В общем, сейчас все в порядке, – говорил он. – Пара ушибов, шишка на голове. Судя по содержимому желудка, она успела выпить около десяти таблеток феназепама и около двухсот грамм водки.

Тетерин с трудом понимал Смирницкого. В длинном списке его родительских ужасов ни водки, ни транквилизаторов пока еще не было.

– Зачем? – недоуменно спросил он.

– Попытка суицида, – понижая голос, ответил Петя.

– Понятно, – автоматически произнес Тетерин, хотя все это ему было совершенно дико и непонятно.

– У нас таких, как она, – продолжал Смирницкий, – на втором этаже пять человек лежит. Возраст, сам понимаешь.

До Тетерина наконец дошло.

– Самоубийство, что ли? – удивленно спросил он и даже остановился.

– Ты не беспокойся, – мягким голосом сказал Петя. – Я ей пищевое отравление записал.

Так что на учет в психиатрии ставить не будут.

Каталка с Женькой тем временем скрылась за поворотом. Смирницкий молча пожал Тетерину локоть и открыл дверь в ординаторскую. На пороге он обернулся и снова посмотрел на своего коллегу, который столбом стоял посреди коридора.

– Можешь к ней заглянуть, – сказал он. – Только ненадолго.

Тетерин еще несколько секунд смотрел на закрывшуюся дверь в ординаторскую, затем оперся спиной на стену и сполз по ней, оставшись сидеть на корточках.

Через минуту к нему осторожно подошла его медсестра Танечка. Она была давно и безнадежно влюблена в него, поэтому постоянно проявляла трогательную, навязчивую и слегка утомительную заботу.

Танечка держала старенький плащ и потертый портфель Тетерина. Постояв рядом с ним, она тоже опустилась на корточки.

– Я сегодня прием отменила, – негромко сказала она. – Всех больных на завтра перенесла.

– Хорошо, – не глядя на нее, кивнул Тетерин.

– А что с вашей дочерью? – робко спросила Танечка.

Тетерин посмотрел на нее, резким движением взъерошил у себя на голове волосы, потом наконец встал и забрал свои вещи.

– Пищевое отравление. Ничего страшного...

Входя к Женьке в палату, он придержал рукой заскрипевшую дверь, но от сквозняка она все же стукнула, и он испуганно замер. На подоконнике сидела девочка лет десяти, которая играла во что-то на мобильном телефоне. Увидев вошедшего врача, она спрыгнула на пол, однако Тетерин не обратил на нее внимания, и она тут же залезла обратно. Настороженно последив еще немного за странным доктором, она снова углубилась в свою игру. Женька лежала на кровати. Глаза ее были закрыты.

Тетерин взял стул и сел на него рядом с дочерью, неловко положив портфель и плащ себе на колени. Несмотря на то, что он был у себя в больнице, то есть на абсолютно знакомой ему, своей территории, он сидел так, как сидят на вокзале в чужом городе, ожидая поезд, который сильно задерживается.

Наконец Женька открыла глаза. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, не решаясь заговорить, а потом она с трудом улыбнулась.

– Привет, – сказала Женька.

– Привет, – глухо ответил Тетерин.

– Ну как? – спросила она.

– Нормально, – сказал он.

Женька болезненно сморщилась и сглотнула слюну. Тетерин нервно привстал.

– Больно?

– Нормально, – ответила она.

Они опять замолчали, и Женька посмотрела на отцовский плащ.

– Сколько ты его уже носишь?

– Что?

Он не понял вопроса дочери.

– Плащик. Я его помню с первого класса.

Тетерин погладил выцветшую ткань рукой.

– Да... Старый уже.

Женька опять улыбнулась. Видно было, что ей это далось нелегко.

– Нет, – сказала она. – Ты молодой.

– Я говорю, плащ старый, – поторопился объяснить он. – Да и я, в общем, тоже...

– Другой купи.

Тетерин вздохнул:

– Дорого.

Женька отвернулась к окну и, закрывая глаза, негромко сказала:

– Вот так всегда.

В наступившей тишине назойливо проступили неприятные звуки телефонной игры, в которую, высунув от усердия розовый язычок, играла девочка на подоконнике. В телефоне у нее что-то пиликало, квакало и время от времени раздавался скрипучий механический смех. Тетерину показалось, что электронные монстры, веселившиеся у девочки в телефоне, издеваются именно над ним.

Неожиданно Женька снова открыла глаза и повернулась к отцу.

– Ты маме звонил?

Тетерин замялся.

– Нет еще... Как-то в голову не пришло...

Женька невесело усмехнулась:

– Да, прикольные вы у меня родители.

* * *

В доме на Озерной тем временем кипели приготовления к приезду долгожданных гостей. Погода стояла чудесная, поэтому стол решено было накрыть прямо во дворе.

Старики уже давно жили одни. Стульев на всех, кто должен был собраться сегодня за этим столом, не хватало, и мужчины на скорую руку сколачивали большую скамейку. Женщины во главе с бабушкой Галиной Семеновной лепили на веранде пельмени. И только одна Мария не принимала никакого участия ни в женских, ни в мужских занятиях. Она стояла на крыльце в дверном проеме, лениво курила, прислушиваясь к разговорам матери и сестры у себя за спиной и глядя на своего отца, который совсем не изменился за последние годы.

Иван Александрович действительно выглядел подтянуто, свежо и по-боевому. Несмотря на свои семьдесят лет и на то, что у него иногда пошаливало сердце, он старался держать марку и в разговоре с незнакомыми людьми мог даже прихвастнуть, что ему восемьдесят, а чтобы уже совсем удивить собеседника, выкатывал свой старенький велосипед и гордо ехал по пыльной улице, позвякивая сверкающим на солнце звонком. Галина Семеновна, счастливо прожившая с ним более сорока лет, не любила этой его черты, обвиняла его в позерстве и предупреждала, что если он когда-нибудь свалится, то в больницу она к нему ходить не будет. Однако Иван

Александрович всю свою жизнь был кадровым офицером, и не покрасоваться, когда выпадал случай, он не мог. Правда, в последнее время его стала подводить память.

– Батя, ты куда молоток утащил? – спросил старика Томкин муж.

– Я? – Иван Александрович беспомощно поморгал. – Так это... Он же здесь был... Степа, может, его Юрка унес?

Степан Дедюхин повернулся к своему сыну, который пилил ножовкой длинную доску.

– Юрка! Сходи молоток поищи.

Хорошо сложенный, крепкий для своих семнадцати лет Юрка выпрямился и посмотрел на отца.

– Он с ним в дом заходил только что.

– Ну, так иди принеси, – буркнул Степан.

Юрка положил ножовку на стол и направился к дому. Войдя на веранду, где его семилетняя сестра Катя активно мешала бабушке и маме лепить пельмени, он вынул из холодильника бидончик с квасом, сделал несколько жадных глотков и заметил молоток на полке с посудой.

– Нашел куда затолкать, – проворчала Галина Семеновна, краем глаза следя за внуком, который снял с полки молоток. – Еще хорохорится...

– Ты мою футболку не видела? – спросил Юрка у матери.

Томка потеряла тыльной стороной ладони свой нос, смешно пыхнула, стараясь сдуть с него муку, и подбородком указала сыну на вешалку.

– Вон там она, под отцовской курткой.

Когда Юрка вышел, Мария повернулась к сестре. Она почувствовала хороший момент, чтобы сгладить неловкость, которую она, несмотря на свой характер, все-таки испытывала из-за того, что не участвовала в общих семейных хлопотах.

– Юрка у тебя такой симпатичный стал, – сказала Мария. – Вырос, прямо и не узнать.

– Да в спортзале все время пропадает, – стараясь говорить небрежно, ответила Томка. – Вот и накачался.

Она старалась не показать, насколько слова сестры были ей приятны, но Мария поняла, что со своим комплиментом попала в точку.

– А Женьку ты почему с собой не взяла? – спросила Томка.

– Чтобы вы ее тут опять закормили? – голос Марии стал строже. – На целую роту ведь пельменей налепите, я вас знаю.

– Кушать надо, – вмешалась Галина Семеновна.

– Ну да, – усмехнулась Мария, брезгливо раздавливая окурок в пепельнице. – А потом ни в одно платье не влезешь.

Томка, которая, в отличие от своей сестры, носила отнюдь не сорок четвертые размеры, слегка нахмурилась, приняв ее слова на свой счет. Правда, в следующую секунду она вспомнила о том, что Степан, искренне любивший ее формы, запретил ей худеть, и о том, что у Марии с Тетериным давно все разладилось, в том числе – в плане секса. Легкая тень исчезла с ее лица, Томка склонилась к перепачканной в муке дочери и звонко чмокнула ее прямо в макушку.

– Тебе-то чего бояться? – сказала она Марии. – Ты со своим характером все равно не поправишься. Язва – она и есть язва. Так что ешь сколько влезет.

Работа во дворе подходила к концу. Юрка натянул свою черную футболку и пошел к умывальнику.

– Ты куда собрался? – спросил сына Степан, глядя, как тщательно тот намывает руки.

– Мне в город надо, – ответил Юрка. – У меня сегодня сбор.

– А что, Валю не дождешься? – спросил Юрку Иван Александрович.

– Я потом, дед. Успею еще.

– Успеет он, – хмыкнул Степан. – Ты бы лучше деду рассказал, чем вы там занимаетесь.

Юрка перестал звенеть умывальником и угрюмо посмотрел на отца.

– Кто-то ведь должен это делать.

– А чем вы там занимаетесь? – спросил Иван Александрович. – Что у вас за организация?

– Иди-ка сюда, – махнул Степан рукой сыну.

Юрка нехотя подошел к отцу, и тот указал Ивану Александровичу на две буквы «ЧГ», которые белели на рукаве Юркиной футболки.

– Вот это, батя, думаешь, чего значит?

– Ну, не знаю, – задумчиво протянул Иван Александрович. – Может быть, «член... государства»?

– На фига государству член? – сказал Степан и повернулся к Юрке. – Скажи ему.

– Может, хватит уже?

Юрка насупился и смотрел себе под ноги.

– Да нет, ты скажи, – настаивал Степан. – Деду приятно будет узнать, чем его внук занимается. Он же замполитом служил.

– «Чистый Город», – буркнул Юрка.

Иван Александрович сел на готовую уже скамейку, вынул из кармана брюк мятую пачку «Беломора» и закурил.

– Экологией, что ли, занимаетесь? – спросил он Юрку.

– Ага, мусор убирают, – усмехнулся Степан. – Санитары городских улиц.

– Слушай, кончай, а? – негромко сказал Юрка.

– А чего? Хорошее дело, – вздохнул дед, выпуская облачко дыма.

– Короче, пошел я, – Юрка повернулся и быстро направился к калитке.

– Смотри, оторвут когда-нибудь башку, – крикнул ему в спину Степан. – Доиграешься.

Юрка, не оборачиваясь, скрипнул калиткой и исчез.

– А за что оторвут? – удивился Иван Александрович. – Правильное дело ребята затеяли. Мы раньше тоже на субботники ходили.

– У них там другие субботники, батя, – уже безо всякой иронии ответил Степан. – Ладно, давай лучше стол раздвинем.

Мария продолжала наблюдать за ними с веранды, а Галина Семеновна, раскатывая тесто, краем глаза поглядывала на нее. Она начала волноваться еще неделю назад, когда позвонила Валя и сообщила о своем приезде. Мало того, что домой возвращалась младшая дочь, которую Галина Семеновна последние пятнадцать лет знала только по фотографиям, непонятно было – сумеют ли ее дочери забыть то, что произошло между ними, сумеет ли Валя простить Марию и сможет ли та повести себя так, чтобы снова не обидеть сестру.

Галина Семеновна не заметила, как прекратила раскатывать тесто и замерла над ним, опираясь на скалку.

– Мам, ты чего? – спросила Томка.

– Да... что-то задумалась, – вздрогнула Галина Семеновна, и в эту минуту у Марии зазвонил телефон.

– Да? – сказала она, вынув мобильник. – Что?

Лицо ее изменилось. Привычное выражение легкой брезгливости покинуло его, и она вдруг побледнела.

– Сейчас приеду.

Мария убрала телефон в карман и, уже совершенно не контролируя своих движений, протянула руку к большому блюду, на котором лежали куски рыбного пирога. Взяв один из них, она секунду постояла неподвижно, а затем начала жадно есть.

Глава 3

Валя со своим мужем Муродали Мирзоевым и дочерью Гулбахор стояла в центре зала прилетов. Димка сильно опаздывал.

– Может, сами доедем? – предложил Муродали.

Город был ему хорошо знаком. Пятнадцать лет назад он окончил здесь военное училище.

– А вещи? – Валя беспомощно посмотрела на целую грудку чемоданов, баулов, коробок и сумок.

– Грузовик найду, – решительно ответил Муродали.

Он вообще был человеком, мало сомневающимся в своих действиях. Боевой опыт, отношения с подчиненными, привычка отдавать приказы и принимать на себя ответственность за чужие жизни сделали из него хорошего командира. Впрочем, это не отменяло в нем и других черт. Муродали был замечательным мужем и отцом.

Пятнадцать лет назад он покорила Валу буквально за одну ночь, когда она совершенно случайно оказалась на выпускном балу в его военном училище. Новоиспеченные лейтенанты разъехались по своим гарнизонам поодиночке, а он увозил с собой молодую, грустную, но красивую жену. В ту ночь Валя не смогла противостоять его веселому натиску и согласилась пойти с ним в ЗАГС после того, как он, уже под самое утро, прочитал ей четверостишие Омара Хайяма на фарси. Помимо этих четырех строк наизусть он больше ничего не знал, но зато ловко умел пользоваться ими в нужный момент.

– Давай еще подождем, – сказала Валя. – А то уедем, а Димка будет нас тут искать.

– Хорошо, – согласился Муродали. – Десять минут.

Но десять минут ждать не пришлось. Уже через несколько мгновений дверь аэропорта распахнулась и в зал ожидания влетел растрепанный Димка с огромным букетом в руках.

– Сестренка! – закричал он, бросаясь к Вале.

После объятий и поцелуев он присел на корточки и улыбнулся Гулбахор.

– А это у нас кто?

– Я – Гуля, – ответила девочка.

– Поехали, я тебе бабушку с дедушкой покажу.

Димка выпрямился и посмотрел на чемоданы.

– Ничего себе, – даже присвистнул он. – Вы что, на целый год приехали?

Привыкший балагурить по любому поводу Димка хотел таким образом пошутить, однако Муродали даже не улыбнулся.

– Мы насовсем, – просто сказал он.

– Как насовсем? – оторопел Димка. – У вас же там дом, хозяйство...

– Все продали, – пожал плечами Муродали. – Решили тут где-нибудь обосноваться.

* * *

После утренней неудачи с Тетериным, который совершенно не понял или не хотел понять сути Димкиного предложения, основной надеждой для Димки оставалась Мария. Он хоть и боялся затевать с ней разговор на подобную тему, но все же рассчитывал на деловую жилку своей сестры и на то, что она была очень недовольна своим нынешним положением. А значит, перемены, которые должны были произойти в ее жизни в случае успеха Димкиного предприятия, могли заинтересовать ее.

Однако теперь волею обстоятельств рядом с ним оказался человек, у которого было то, в чем Димка крайне нуждался, и он не стал откладывать важный для него разговор до встречи

с Марией. Сумев не заговорить про деньги в те десять минут, пока они переносили вещи из аэропорта в его внедорожник, Димка спросил о них, как только выехал на трассу.

– Слушай, Муродали, так ты говоришь – вы там все продали?

– Ну да. Сначала хотели к моим родным двинуть, да там тоже разруха полная. Работы никакой нет. А в армию я уже не хочу. Навоевался.

– А жить где планируете? – спросил Димка небрежным тоном.

– Что-нибудь купим, – пожал плечами Муродали. – На однокомнатную у меня есть.

– Да зачем тебе однокомнатная? У вас вон дочка растёт, – Димка поймал в зеркальце взгляд Вали и подмигнул ей. – Вам как минимум двухкомнатная нужна.

Муродали усмехнулся:

– Да я бы и от пятикомнатной не отказался, только денег у меня на однокомнатную. Или русский язык не понимаешь?

Димка засмеялся.

– Строгий ты, товарищ командир. Но я, например, знаю, как тебе заработать даже на трехкомнатную.

Муродали помолчал, разглядывая пролетающие за окном деревья, потом повернулся к Димке и спросил:

– Как?

* * *

Когда Димкин автомобиль подъехал к родительскому дому, Валя находилась уже в таком состоянии, при котором связь с реальностью становится едва уловимой. Лихорадочные сборы в Тирасполе, долгий перелет, предстоящая встреча с родными, и отдельно – предстоящая встреча с Тетериным и Марией, – всего этого уже хватило бы с избытком, чтобы потерять самообладание. Однако теперь добавилось еще и новое обстоятельство – Муродали неожиданно быстро согласился на Димкино предложение, и Валя, которая не могла возразить мужу при постороннем мужчине, несмотря даже на то, что этот мужчина был ее брат, пыталась хоть как-то взять себя в руки, чтобы смириться пусть даже с временной утратой практически всех нажитых средств.

Впрочем, едва она увидела выбежавшую из калитки Галину Семеновну, которая вдруг запнулась и, чтобы не упасть, на бегу схватилась рукой за штaketник, все эти соображения стали неважными. Валя по-детски всхлинула, прикрыла рот ладонью, а потом начала дергать ручку и толкать дверь, которая все никак не открывалась.

– Да ты вниз ее, вниз! – смеялся Димка, оборачиваясь к сестре, до глубины души тронутый ее внезапным волнением.

Дверца наконец распахнулась, Валя выпрыгнула из машины и побежала навстречу матери...

После того как первые восторги улеглись и все уже немного привыкли к тому, что приехала Валя и что у нее теперь вот такая маленькая симпатичная таджикская дочь, Димка подловил Томку на кухне, где она торопливо резала колбасу.

– Слушай, а где Мария? – спросил он сестру.

– Да не знаю, – пожал плечами Томка. – Тетерин ей позвонил, она куда-то умчалась. Перед Валькой так неудобно. Еще подумает, что из-за нее.

Застолье продолжалось долго. Муродали быстро нашел общий язык со Степаном. Катя и Гулбахор не отходили от дедушки, который на обыкновенной расческе с бумажкой дудел для них «Подмосковные вечера». Томка ему подпевала, а Галина Семеновна шепталась о чем-то с Валей, не выпуская ее ладони из своих рук. Димка время от времени пробовал заговорить

о своем деле со Степаном, но тот был занят и только отмахивался от шурина, расплескивая при этом водку.

Под общий смех Степан рассказывал байки из жизни дальнобойщиков, Томка шипела на него, когда рассказы становились рискованными, потом подкидывали детей, потом дети подкидывали кукол, потом все пели, потом Степан танцевал, и, наконец, все перебрались со двора в дом.

Когда начали укладываться, Степан вышел на крыльцо покурить, и Димка тут же воспользовался моментом.

– Слушай, у меня тут тема одна возникла, – сказал он, торопливо протягивая Степану зажигалку. – Можно больших денег по-быстрому нарубить.

– А что за тема? – покосился на Димку Степан.

– Ты Витьку Гробмана помнишь? На рыбалку с нами в прошлом году ездил.

– Это который с портфелем? Дурачок такой?

– Ну да, он в областной администрации работает. Так вот, они объявили тендер на покупку компьютеров для всех городских и районных школ.

– Ну?

– Ты прикинь – две тысячи компьютеров. Две тысячи!

Степан безразлично кивнул:

– Классно.

– А в Китае, – воодушевлялся Димка, – у меня есть человек, который всю эту партию может поставить по триста баксов. Ты прикинь, сколько можно наварить! Администрация забрет у нас эти компьютеры по восемьсот. Пятьсот баксов с каждой машины! Умножай на две тысячи... И вся загвоздка только в том, что мне нужна крупная сумма для покупки.

– Ну?

– Что ну? – удивился Димка.

– Где взять-то?

– Так о чем я и говорю, – натянуто засмеялся Димка. – Нужно заложить наши квартиры. Вот я свою, например, заложил.

Степан даже уронил сигарету.

– Ты что, серьезно, что ли?

– Ну конечно, – заторопился Димка. – Все просто!

– Ну, ты, Дима, дура-а-ак, – протянул Степан, качая большой и тяжелой головой.

При этих словах Димка стал крайне серьезным, даже немного торжественным.

– Степа, – сказал он. – Вот если подпишешься, то через месяц превратишь свою двушку в четырехкомнатную квартиру.

И руками он сделал жест, который делает фокусник, когда вынимает кролика из шляпы.

– Зашибись, – одобрительно улыбнулся Степан. – Только я не подпишусь. Я за свою квартиру горбатился десять лет.

Но Димка не сдавался:

– Да это месяц всего. Это как кредит. Ты мне даешь кредит – ириска никакого. Я и без тебя могу, но всю партию не осилю. А если брать все целиком – выходит намного дешевле. Я на днях уже лечу, но ты мне можешь деньги прямо в Китай перевести.

– В Китай? – усмехнулся Степан.

– Ну да, – с надеждой сказал Димка.

Степан посмотрел на темное небо, глубоко вздохнул и хлопнул Димку по плечу.

– Короче, свободен.

– Да погоди ты, – засуетился Димка. – Я уже с Валькиным мужем об этом поговорил.

– Ну и чего?

– Он согласился.

– Значит, оба свободны, – Степан широко улыбнулся и шагнул с крыльца на веранду, где Галина Семеновна уже заканчивала мыть посуду.

* * *

Тетерин сидел в коридоре недалеко от Женькиной палаты, неподвижно уставившись на носки своих пыльных ботинок. Когда из-за поворота показалась Мария, он встал с кушетки и сделал шаг ей навстречу, однако она даже не взглянула на него. Стремительно пройдя мимо, Мария открыла дверь в палату, но Тетерин успел остановить ее.

– Она уже спит. С ней все в порядке.

Не обернувшись на его слова, Мария все же заглянула внутрь, посмотрела на спящую дочь, а потом вернулась в коридор.

– Ты почему мне сразу не позвонил? – едва сдерживая гнев, сказала она.

– Да я как-то... растерялся, – замямлил Тетерин. – Совсем забыл.

– Растерялся он.

Мария вынула сигарету и нервно закурила.

– Здесь нельзя... – попытался остановить ее Тетерин.

– А мне плевать! – сорвалась Мария. – Плевать я хотела, что у вас тут можно, а что нельзя. У меня чуть дочь не погибла! Ты мне еще будешь указывать.

На глазах у нее появились слезы.

В этот момент дверь в палату бесшумно открылась и на пороге как привидение возникла Женька в длинной ночной рубашке. Покачнувшись, она схватилась рукой за дверь, и Мария бросилась к дочери. Она хотела обнять Женьку, прижать ее к себе, но зажженная сигарета мешала ей, и тогда она властно посмотрела на мужа. Тетерин подошел к ним, послушно забрал сигарету и, не зная, что с нею делать, растерянно посмотрел по сторонам.

Через полчаса они вышли из больницы. Говорить им было не о чем. Тетерин прислушивался к стуку каблуков своей жены, а она старалась не коснуться случайно его плаща, который он нес, перекинув через руку. От этого ей приходилось время от времени делать шаг в сторону, но Тетерин ее маневров не замечал.

– Ну что, на Озерную поедем? – наконец спросил он.

– По Вале своей соскучился?

– Слушай, ты можешь хотя бы сейчас не язвить?

Мария ничего не ответила. Слова Тетерина вызвали у нее в памяти утренний разговор с Томкой, и она опять разозлилась.

«Чего они все прицепились? Какой хочю – такой и буду!»

– Она сказала тебе – почему? – спросила Мария.

– Из-за нас. Услышала, как ты утром сказала, что мы зря завели ребенка. Обиделась на это слово. Завели, говорит, как хомячка.

– А я тебе сто раз говорила – не надо выяснять отношения дома. Мы живем в однокомнатной квартире.

– Да что ты все сводишь к этой квартире! – от возмущения Тетерин даже остановился.

Мария повернулась к нему с презрительной улыбкой.

– Потому что я на нее заработала, а не ты.

Тетерин хотел ей что-то ответить, но неопровержимость ее аргумента, а главное, то, что на квартиру заработала она – женщина, а не он – мужчина, заставило его сникнуть и молча последовать за ней.

Где-то впереди за деревьями мелькнули фары приближающегося автомобиля, и Мария прямо по газону шагнула к проезжей части. Подняв руку, она дождалась, когда автомобиль остановится, и склонилась к окошку.

– На улицу Свердлова за пятьдесят рублей.

– Поехали, – ответил водитель, и Мария открыла заднюю дверь.

Тетерин двинулся следом, но Мария захлопнула дверцу прямо у него перед носом, зажав его плащ.

Автомобиль тронулся с места, а Тетерин остался стоять на газоне, глядя на то, как его плащ волочится по лужам, оставшимся после вечернего дождя, и, наконец, исчезает за светофором.

* * *

Перед отъездом с Озерной, когда Дедюхины и Мирзоевы уже легли спать, Димка вынул из портмоне стодолларовую купюру.

– Вот, мам, возьми, – сказал он Галине Семеновне. – Гостинчик в кармане завалился.

Галина Семеновна поцеловала Димку и положила деньги на стол. Она помнила, что купюру надо прибрать, потому что дед в последнее время взял моду прятать свободно лежащие деньги, а потом забывать, куда положил, но отвлеклась на пирожки, которые собирала для Димки. Пока выходила зачем-то во двор, Иван Александрович заглянул на веранду, и когда Галина Семеновна вернулась – денег на столе уже не было.

– Дима, ты не видел, куда старый пошел? – обеспокоенно спросила она.

– На чердак, кажется, поднялся.

– Ты иди-ка за ним, а то спрячет куда-нибудь твои деньги, потом днем с огнем не найдем.

Димка быстро поднялся на чердак и увидел отца, который уже приподнял половицу, чтобы спрятать под нее сто баксов. Заметив Димку, он замер, а потом протянул ему купюру.

– Большие деньги, Митя, – сказал Иван Александрович. – Надо прибрать. Здесь место хорошее. Я тут не забуду.

Димка опустился на пол рядом с отцом, прижал его голову к своей груди, и секунду эти двое сидели неподвижно. Затем Димка положил сто долларов под половицу, добавил туда еще и, чтобы отец запомнил это место, поставил сверху старый ботинок, валявшийся рядом.

– Вот здесь, папка... Теперь не забудешь.

Глава 4

На следующий день Мария пришла к дочери рано утром. Помимо всего прочего она принесла Женьке альбом с ее рисунками и краски. Пока Женька осторожно пила куриный бульон, Мария листала ее рисунки. Почти на каждом из них была изображена Снежная королева. Королевы были синие, красные, в серебре и даже в костюме от Шанель.

– Ты что, Андерсена так любишь? – без всякой задней мысли спросила Мария.

– Нет, это я тебя так люблю.

– А ты, значит, у нас Герда? – Мария инстинктивно перешла в нападение.

Она понимала, что не должна этого делать, но справиться с собой не могла.

– Да, – серьезно кивнула Женька. – Только без Кая. И еще толстая.

Марии вдруг до боли стало жалко ее.

– Женя, ну хватит. Приедешь домой – и все будет хорошо. Все пройдет.

– Я не вернусь, – сказала Женька и отвернулась от матери.

– Что значит – ты не вернешься? – опешила Мария.

– Не знаю... Но в нашей квартире я жить больше не хочу.

В этот момент в палату шумно вошел Димка, и сразу стало как будто светлей. Женька заулыбалась, Мария перестала хмуриться, и даже девочка на соседней кровати тоже чему-то обрадовалась. Следом за Димкой вошел невыспавшийся Тетерин. Ночь он провел, ворочаясь на кушетке у себя в кабинете, поэтому был помят, небрит и молчалив.

Димка мгновенно наполнил собой всю палату. Он громко шутил, смеялся и совершенно не боялся говорить о том, что произошло. В его поведении не было даже намека на то, что все это серьезно. Выходило так, как будто Женька просто неудачно пошутила – и все.

– Привет диверсантам, – с порога сказал он. – Ну что, не удалась диверсия?

Женька радостно помотала головой:

– Не-а.

И на этом, к полному удивлению Тетерина, весь драматизм ситуации, с которым он просто не знал, как жить дальше, неожиданно был исчерпан, словно и не было ничего. Он испытал такой прилив благодарности к Димке, что, когда тот зачем-то поманил его с Марией в коридор, с радостью пошел за ним, ожидая еще каких-то чудес и освобождений.

Подведя Тетерина и Марию к открытому окну, за которым на деревьях шумела свежая листва, Димка быстро рассказал им о приезде Вали, а затем перешел к своему делу. В нескольких словах он обрисовал им свой план и те радужные перспективы, которые ожидали их, если они согласятся заложить квартиру всего на один месяц. Особенно Димка напирал на то, что кредит будет беспроцентным, потому что нужные люди привели его в какой-то замечательный фонд. Единственным условием этого фонда был выезд из квартиры на время займа.

– Это же месяц, ребята, – энергично говорил Димка. – Месяц всего. А потом заживем! Переберетесь на это время к старикам на Озерную. Знаете, как они рады будут. И Женька в себя придет.

На этот раз Тетерин ясно понимал Димку. Он понимал его бизнес-план настолько отчетливо, что даже успел удивиться тому, что этот таинственный фонд выдает кредит без процентов.

«А какой им тогда интерес?» – мелькнуло у него в голове, но вслух он этого не произнес, потому что Димка пел как соловей, и Тетерин не решился прервать эту песню. К тому же Димке в этих вопросах он доверял больше, чем себе.

– Ну как? – сказал тот и перевел взгляд с Тетерина на Марию.

– Я согласна, – ни секунды не раздумывая, кивнула она. – Когда нужно идти в этот твой фонд?

– Завтра утром, – ответил Димка, расплываясь в улыбке.

* * *

Через три дня Степан на своем КамАЗе перевез вещи Тетериных на Озерную. Теперь, за исключением Дедухиных, в родительском доме впервые за долгие годы собралась практически вся большая семья. Пока переносили вещи из фуры в дом, Тетерин старался не встречаться взглядом с Вале́й. Разумеется, он понимал, что ему предстоит провести рядом с ней как минимум месяц и что в любом случае придется как-то общаться, но невольно хотел отодвинуть начало этого общения.

Томка, наоборот, жаждала прояснения ситуации. Она вообще любила мелодрамы и латиноамериканские сериалы. Поэтому, войдя в комнату, где Галина Семеновна и Валя меняли для Тетериных занавески, она подбоченилась и громко спросила:

– Мама, а как им стелить-то будем? Вместе или отдельно?

Галина Семеновна сурово посмотрела на младшую дочь и покачала головой:

– Ну, вот чего суетишься? Никто спать еще не ложится. Вечер придет – разберутся сами. Улягутся как-нибудь без тебя.

Но до вечера было еще далеко, а Томке не терпелось уже сейчас погрузиться в драму. Она обожала театр. Если бы не Степан, она бы наверняка стала актрисой. Парадокс их взаимоотношений состоял в том, что Степан без памяти влюбился в Томку, увидев ее на сцене самодеятельного театра, где она азартно исполняла роль беспутной и беспринципной певицы Юлии Джули в спектакле по пьесе Евгения Шварца «Тень», однако стоило им пожениться – и он тут же запретил ей посещать театральный кружок, не говоря уже о поступлении в театральное училище. Томка тогда слегка погоревала, разбила несколько тарелок, выкрикивая реплики из своих любимых монологов, а потом забеременела, и все стало хорошо. По старой памяти она еще вырезала фотографии любимых артистов из глянцевого журналов, однако годы шли, знакомых звезд становилось все больше, и Томка все отчетливее понимала, что за Степаном и за его КамАЗом она как за каменной стеной. Ее, правда, слегка угнетало то, что Мария выучилась в институте и сама зарабатывала себе на жизнь, а Томка была всего лишь домохозяйкой, но заработки Степана позволили ей однажды купить такую дорогую шубу, что все вопросы карьерного, интеллектуального, а также имущественного неравенства между сестрами были сняты раз и навсегда.

Приезд Вали кое-что изменил в этом устоявшемся расположении сил. Во-первых, увидев сестру, Томка окунулась в прошлое, когда театральные эффекты были ей очень близки, а во-вторых, само натяжение между Вале́й, Тетериным и Марией просто обязано было, по Томкиному мнению, привести к волнующей драматической развязке.

Поэтому, едва дождавшись, когда Галина Семеновна выйдет из комнаты, Томка свистящим шепотом сообщила Вале о том, что Тетерины разводятся, что Женька из-за этого пыталась покончить с собой и что лично она, Томка, всегда знала, что на чужом несчастье своего счастья не построишь.

Валя была слегка ошеломлена шекспировским темпераментом, с которым Томка излагала свой взгляд на семейную драму, и от этого не смогла найти нужных слов, когда, наконец, столкнулась на веранде с Марией.

– Ну, здравствуй, сестренка, – сказала та, слегка щурясь и вынимая внезапно неловкими пальцами сигарету.

– Мы там с мамой у вас в комнате занавески сменили, – сказала Валя и почему-то вдруг покраснела. – Не знаю – понравятся они тебе или нет...

Впрочем, к вечеру такая мелочь, как занавески, уже никого не волновала. Семья впервые за пятнадцать лет собралась почти вся целиком. Не хватало одного Юрки Дедухина.

– А где сын-то твой? – спрашивал Муродали у Степана, разливая по рюмкам водочку. – Я с ним тоже хочу познакомиться.

– Успеешь еще, – отвечал Степан, отводя взгляд в сторону.

Ему нелегко было объяснить свояку-таджику, что сын его состоит в непонятной полуполюгальной организации и уже несколько раз задерживался милицией за нападения на выходцев с Кавказа и из Средней Азии.

– Ну, будем, – сказал Степан, а затем чокнулся с Муродали и закусил грибочком.

– Замечательные грибы у Галины Семеновны, – промышчал Тетерин, а Степан подмигнул ему:

– Повезло нам с тещей.

Их жены тем временем собрались за баней. Когда-то давно сестры скрывались тут от родителей, чтобы пошутиться, обсудить свои сердечные дела, а чуть позже – и покурить. Теперь они по старой привычке прятались, хихикали и выглядывали из-за бани, опасаясь быть застигнутыми врасплох.

– Степа меня с сигаретой увидит – убьет, – говорила Томка, восторженно представляя себя в образе Дездемоны. – Он у меня прямо мавр.

Однако мавру в этот момент было не до нее. После четвертой рюмки он стал с интересом выспрашивать у Тетерина о том – приходят ли к нему на прием красивые женщины и до какой степени они раздеваются перед ним. Тетерин смеялся, махал на него рукой, а Муродали размышлял вслух о покупке дома где-нибудь здесь, на Озерной.

– Ты сначала деньги свои верни, – усмеялся Степан. – А то губу уже раскатал.

И разговор их неизбежно возвращался к Димкиному бизнесу, китайским компьютерам и покупке новых квартир.

За баней говорили о том же.

– Я лично себе четырехкомнатную куплю, – шурилась от сигаретного дыма Мария. – Мне меньше не нужно.

Чтобы позлить Томку, оказавшуюся со своим Степаном в стороне от общего предприятия, Мария рассказала ей про свой сон, в котором она была владелицей большого поместья, а Томка служила у нее домработницей.

В результате этих невинных фантазий пострадал не ожидавший подвоха Степан. Забравшись на чердак, где Галина Семеновна постелила им с мужем, Томка улеглась поверх одеяла в позе спящей Венеры с картины итальянского художника Джорджоне и стала терпеливо ждать Степана. Закинутая за голову правая рука быстро затекла, но Томка была в образе и не шевельнулась до тех самых пор, пока не услышала поднимающегося по лестнице мужа.

Увидев ее в столь многозначительной позе, Степан мгновенно уловил посылаемый ему сигнал, но к полному своему изумлению был решительно отвергнут после первой же попытки вписаться в картину замечательного итальянского художника эпохи Высокого Возрождения.

На его тревожные расспросы Томка отвечала сердито и коротко, но не выходя при этом из образа. Она обвинила его в том, что у всех теперь будут новые квартиры, а она, Томка, будет корячиться в старенькой двушке.

– Как домработница, – с дрожью в голосе заключила она, а затем схватила подушку и спустилась вниз, оставив мужа без малейших надежд на близость.

Глава 5

Димку провожали в Китай всей семьей. С утра в доме на Озерной царило приподнятое и немного нервное настроение. Галина Семеновна не могла найти себе места – она начинала мыть посуду, потом зачем-то бежала поливать огород, потом возвращалась, не дойдя даже до второй грядки, садилась на чурку рядом с поленницей и на секунду замирала, без всякой мысли глядя на свои натруженные руки.

Все понимали, что в их жизни, которая вдруг снова стала общей, происходит чрезвычайно важное событие, и ожидание перемен, связанных с этим событием, с одной стороны, объединяло их, а с другой – совершенно выбивало из привычного уклада и заставляло вести себя странно. Мария летала по дому как на крыльях, смеялась, шутила над Степаном и даже затеяла чехарду с девочками во дворе. Иван Александрович, наоборот, был молчалив и против своего обыкновения выглядел совершенно погасшим. Он привык уже к частым Димкиным поездкам по бизнесу, но в этот раз тот уезжал за границу и вез большую сумму.

– Дима, ты деньги-то хорошо прибрал? – спросил он сына, когда к дому подъехало такси. – Может, карманы какие на трусы пришпандорить?

Димка даже засмеялся.

– Да они все на карточке. Я их в банк положил.

– А карточка-то надежная?

– Самая надежная, – улыбнулся Димка. – Пуленепробиваемая.

– А, ну если так, – успокоился Иван Александрович. – Только ты там смотри, все-таки поосторожней.

Степан за всей этой суматохой наблюдал с легкой усмешкой. Он покурил в стороне, прихлебывал чай и старался не смотреть на Томку, которая все еще дулась, хотя, по мнению самого Степана, дуться должен был он. При этом настроение у него было самое замечательное. В отличие от всех остальных, он чувствовал себя очень комфортно, нисколько не нервничал, и это чувство нравилось ему, потому что в своей простой и суровой жизни дальнбойщика он доверял только себе и своему КамАЗу.

Муродали был предельно собран, как будто отправлял бойца на задание. Пожав Димке руку уже на крыльце, он пристально посмотрел ему в глаза и сказал:

– Держись там.

– Так точно, товарищ командир, – шутливо ответил Димка и направился к такси.

У самой машины его догнала Галина Семеновна. Она перекрестила Димку, поцеловала его, а потом робко отступила на шаг.

– Мам, – сказал Димка, протягивая Галине Семеновне клочок бумаги. – Вот здесь телефон и адрес гостиницы в Китае. Звоните, если что.

Галина Семеновна убрала записку в карман старенькой кофты. Димка сел в такси, и через минуту оно скрылось за поворотом в конце улицы. Обитатели дома несколько мгновений стояли у калитки, как будто еще ждали чего-то, а потом Степан громко сказал:

– Ну, чего? На рыбалку?

И все пошли по своим делам.

* * *

Уже на следующий день Мария потащила Тетерина смотреть новую квартиру. Риелтор привела их в четырехкомнатную. Тетерин хотел сказать, что на такое жилье денег не хватит в любом случае, но за последние несколько лет он впервые видел свою жену в таком искреннем

и окончательном состоянии счастья. Любуясь ею, он рассудил, что сам факт покупки не столь важен. Важно, что они могли позволить себе просто прийти сюда.

«Пусть не эта будет квартира, – думал он. – Пусть поменьше. Главное, что мы делаем шаг. Мы уже не стоим на месте. Нас уже что-то ждет».

Мария порхала из комнаты в комнату, гладила стены, звонко смеялась и подмигивала Тетерину. В какой-то момент ему показалось, что она вот-вот расцелует его, но она поцеловала обои.

А на Озерной их ожидало известие о том, что Валя вдруг заболела.

– Температура высокая, – сказал Муродали, стараясь скрыть тревогу. – Ты бы ее посмотрел.

– Я? – опешил Тетерин.

– Ну а кто? – вмешалась Мария. – Ты же у нас доктор.

Входя в комнату к Вале, он стукнулся головой о низкую притолоку. Потирая ушибленное место, он неловко потоптался у входа, однако Валя, которая лежала на кровати, так и не открыла глаза. Быть может, она не услышала его, а может, просто сделала вид.

Тетерин негромко покашлял. Валя наконец взглянула на него, а затем, даже несмотря на то, что лежала в футболке, медленно натянула на себя одеяло до самого подбородка. Лицо ее пылало от жара.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Первым заговорил Тетерин:

– Меня твой муж прислал... Он хочет, чтобы я тебя послушал... Какая температура?

– Тридцать восемь и пять, – негромко ответила Валя.

Тетерин подвинул к ней табурет и уселся на него рядом с кроватью. Взяв Валию за руку, он начал считать пульс.

– Прямо как раньше, – сказала она.

– Что? – отвлекся он от секундной стрелки на своих наручных часах.

– Забыл уже?

– Что забыл?

Валя улыбнулась и провела языком по пересохшей верхней губе.

– Ты когда учился на медицинском, только у меня считал пульс. Говорил, что у остальных не прощупывается.

– Да? – пожал плечами Тетерин. – Не помню.

– Славка, неужели все забыл?

То, что его вдруг назвали по имени, причем так, как никто уже не называл, задело в нем какие-то прежние мелодии, но Тетерин боялся прислушиваться к ним.

– Сядь, пожалуйста, – он вынул из портфеля фонендоскоп.

Продолжая придерживать на груди одеяло, Валя приподнялась на постели и повернулась спиной к Тетерину. После секундного замешательства, во время которого тот вдруг вспомнил расспросы Степана о красивых обнаженных женщинах, он взял себя в руки и уверенно поднял футболку на стройной, знакомой ему спине.

Ощувив прикосновение фонендоскопа, Валя поежилась.

– Холодный... И прилипает...

– Не болтай, – сухо сказал Тетерин. – Ты мне мешаешь.

– Мне сказали, вы с Марией разводитесь, – неожиданно сказала она.

Тетерин сделал вид, что не услышал.

– Воспаления вроде нет.

– А почему?

Она поняла, что он услышал ее, и теперь как будто настаивала на своем. Но он не сдавался.

– Как почему? Дыхание не жесткое, в легких чисто.

– Я тебе еще тогда говорила, что этим все закончится, – продолжала Валя, не обращая внимания на его упрямство.

– Да нет, я думаю, обойдется... Горячее молоко с медом и парацетамол.

– Не слушаешь меня, – она повернулась и посмотрела ему в лицо.

– Почему? – пожал плечами Тетерин, отводя взгляд. – Только что послушал. Я же тебе говорю – все будет в порядке.

Валя понимающе улыбнулась и легла на подушку.

– Ладно, Тетерин... Иди... И скажи им, что ты меня вылечил.

* * *

Через два дня Димка позвонил из Китая и сообщил, что ему не хватает денег. Китайцы неожиданно изменили условия сделки, отказавшись продавать партию по частям. Они предлагали забрать все компьютеры. В противном случае сделка аннулировалась.

В доме на Озерной был срочно созван военный совет. Муродали воспринял известие вполне спокойно. Будучи хорошим командиром, он был доволен уже тем, что удалось избежать потерь. Однако Мария не могла согласиться на ничью, потому что уже целовала обои в четырехкомнатной квартире. В ее новом понимании жизни ничья была уделом неудачников.

– Слабому – кость, – заявила она. – Мне нужно мясо.

Тетерин удивленно посмотрел на жену, которая вдруг открылась для него еще с одной стороны, однако Муродали настрой Марии понравился. Он любил людей с резким углом атаки.

– Что ты предлагаешь? – спросил он.

– Надо заставить Степана заложить квартиру, – без малейших колебаний сказала Мария. Теперь она напоминала амазонку, летевшую навстречу опасности.

После недолгих споров было решено угнать у Степана КамАЗ.

– Он на него молится, – сказала Мария. – Спрячем на время, а потом вернем.

– Ну, так же нельзя, – пыталась возразить Валя. – Это нехорошо. И потом – какая связь между КамАЗом и квартирой?

Мария с легким презрением посмотрела на младшую сестру.

– Он на нем зарабатывает. Потеряет его – сразу прибежит к нам.

– Нет, так нельзя, – покачала головой Валя.

– А куда мы его спрячем? – спросил Тетерин.

– В гараж скорой помощи, – без раздумья ответила ему жена. – Ты обо всем договоришься.

– Я? – сердце Тетерина ушло в пятки. Я никогда ничем таким не занимался...

– Ничего, – отмахнулась Мария. – Надо когда-нибудь начинать.

* * *

Уже через час Мария сидела в квартире у Томки. Сестры быстро поняли друг друга, и, хотя у Томки на душе от всего этого немного скребли кошки, она отдала Марии запасной комплект ключей от двери и от зажигания.

– Только вы там ничего не поцарапайте, – сказала она. – А то Степа расстроится.

Однако Степан расстраивался пока совсем от другого. По телевизору какие-то унылые люди давно уже бубнили про надвигающийся кризис, но его лично вся эта болтовня совершенно не задевала. Он жил по твердому и понятному ему принципу – моя хата с краю. И чем дальше был этот край, тем спокойнее чувствовал себя Степан. В глубине души он наивно полагал, что рассчитывать надо только на одного себя. Он совершенно не видел взаимосвязи между своей крепкой, как ему казалось, жизнью и общим устройством мира. Поэтому, когда

мир слегка накренился и от этого накренилась его собственная жизнь, Степан по-настоящему растерялся. Он потерял заказчика, с которым работал десять лет.

Позвонив немногочисленным друзьям с просьбой о работе, он везде получил отказ. Ему объяснили, что времена на рынке наступают тяжелые и грузов для перевозки стало значительно меньше. Тогда Степан понял, что зря отказался от Димкиного предложения.

«Вот ишак, – думал он про себя. – Такой шанс упустил. Как теперь Томке сказать? На что жить будем?»

– Может, все-таки заложим квартиру? – предложил он жене, не объясняя причин своего уныния. – Успеет еще деньги в Китай перевести? Я бы мастерскую на Димкины деньги открыл.

При этих его словах Томка чуть не уронила тарелку с котлетами, которую она ставила перед мужем на стол. Именно сегодня Муродали и Тетерин должны были угнать КамАЗ.

Она бросилась из кухни в соседнюю комнату, чтобы позвонить на Озерную и отменить план своих родственников, но за окном уже взревел двигатель.

Степан выскочил на балкон и беспомощно смотрел вслед своему КамАЗу, с которым от него уезжала последняя надежда прокормить семью.

– Ну все, приехали, – сказал он.

* * *

Если Степану казалось, что жизнь его на этом окончена, то у Тетерина все только начиналось. Оставив грузовик в гараже скорой помощи и вернувшись на Озерную, он испытывал сильнейший прилив сил. В небольшом придорожном кафе, где они с Муродали на скорую руку отпраздновали успешную операцию, он признался, что всю жизнь хотел совершить что-нибудь подобное.

– А что мешало? – спросил его Муродали.

– Не знаю, – пожал плечами Тетерин. – Трусил, наверное... А теперь, понимаешь, такое чувство, как будто заново живу. Странно.

– Ничего странного. Давай еще по одной.

– Ты знаешь, я вчера премию получил.

– Поздравляю.

– Давай ее всю спустим.

Муродали улыбнулся и одобрительно кивнул.

– Наш человек, – сказал он.

Домой Тетерин вернулся с подарками. Женьке он привез телефон, о котором она давно мечтала, Марии купил французскую тушь, а сам был в новеньком итальянском плаще.

– Даже не спрашивай, сколько стоит, – небрежно и слегка нетрезво сказал он Марии в ответ на ее удивленный взгляд.

– Ты молодец, – съязвила она. – Нам самое время итальянские плащи покупать. Ты вообще где болтался?

– Мы праздновали, – пожал плечами Тетерин. – Мужик захотел – мужик сделал.

Не удержавшись, Мария засмеялась над ним.

– Пока вы с Муродали шарахались по кабакам, Томка весь телефон оборвала.

– А что такое? – удивился Тетерин. – Разве она не в курсе? Она же сама тебе ключи отдала.

– Там уже все изменилось. Степан и без вас квартиру был готов заложить. А вы, балбесы, у него КамАЗ угнали. На чем ему теперь вещи сюда перевозить?

Мария понимала, что она неправа, поскольку изначально это был ее план, однако признавать свою ошибку она не хотела. Тем более что в итоге все сложилось как надо, а значит, правда была на ее стороне.

* * *

Машину Степану тайком вернули на следующий день, и вскоре Дедюхины перебрались ко всем остальным на Озерную. Пока грузили вещи в КамАЗ, Томка сильно нервничала. Ее волновали не столько сами сборы и даже не то, как складываются дела у Димки в Китае, – нет, все это должно было решиться как-то само собой. Томка нервничала из-за Юрки.

– Слышь, Степа, – сказала она мужу, забираясь в кабину, – а с Юркой-то чего делать будем? Может, скажем ему?

– Чего скажем? – покосился на нее Степан.

– Ну, там ведь этот... Валькин муж... И девочка у них темненькая.

– Ну? – суровел Степан.

– Чего ты нукаешь? Сам, что ли, не понимаешь?

– Ты у меня еще хоть раз заикнись об этом, – зашипел он на Томку. – Я тебе все перья из хвоста повыдергаю.

– А чего я-то? – Томка сделала на него круглые глаза. – Я же за Юрку беспокоюсь.

– А ты не беспокойся, – веско ответил Степан и повернул ключ в замке зажигания.

Тем не менее Томка не зря предупреждала его насчет Юрки. Когда приехали на Озерную и тот выпрыгнул из фуры, первой к машине подбежала счастливая, звенящая как колокольчик Гулбахор.

– Катя! Катя, приехала! – кричала она, прыгая рядом с КамАЗом.

Окаменевший Юрка не сводил с девочки неподвижного взгляда. Он смотрел на нее так, как будто рядом с ним прыгало не крохотное веселое существо, а по меньшей мере бригада таджикских гастарбайтеров.

Когда же на крыльце появился улыбающийся Муродали, Юрка превратился в соляной столп. Правда, столп еще сохранил способность задавать вопросы.

– Кто это? – прошипел он.

– Родственники твои, – негромко сказал Степан, вручая ему огромный узел с вещами. – И попробуй у меня только дернись.

Юрка швырнул узел на землю.

– Я с ними жить не буду, – отрезал он.

– Еще как будешь, – Степан положил тяжелую руку сыну на плечо.

– Степа, Степа, – быстро заговорила перепуганная Томка, понимая, что сейчас может произойти что-то очень некрасивое.

В этот момент на крыльце выбежала сияющая Женька.

– Дима! Дима звонил! – закричала она. – Он завтра прилетает!

– Да ты что! – заулыбался Степан и, уже совершенно забыв про сына, быстро пошел в дом, где радостно о чем-то кричала Мария. – Неужели получилось...

* * *

Мария решила, что встречать Димку поедут она и Тетерин. Томка пыталась возражать, настаивая на равных правах, но Мария была непреклонна.

– Тома, вы и так нас всех чуть под монастырь не подвели. Пусть каждый занимается своим делом. Готовьте ужин.

В аэропорт они приехали за сорок минут до прибытия рейса. Мария была собрана, красива и даже немного торжественна. Тетерин же от оказанного ему доверия неожиданно впал в лирику.

– А помнишь, мы тебя здесь на практику провожали? – говорил он, окидывая взглядом регистрационные стойки.

– Да не помню я ничего, – отвечала Мария.

Несмотря на свои обычные заморочки, Тетерин сегодня почти не раздражал ее.

– Мы с тобой тогда в первый раз целовались, – продолжал он.

– Тетерин, ты как-то не вовремя с этим разговором.

Она внимательно изучала электронное табло с информацией о прилетах.

– Да? А по-моему, как раз вовремя.

Когда объявили о прибытии рейса из Благовещенска, Тетерины устремились к выходу для встречающих. Мария нервно скользила взглядом по лицам прилетевших пассажиров, выискивая Димку.

– Ну что ты волнуешься? – сказал Тетерин. – Он сам нас заметит.

– Да погоди ты, – огрызнулась она.

Мимо прошел бизнесмен в дорогом костюме, который небрежно обнял ожидавшую его девушку. За ним шли два парня в одинаковых свитерах. Они громко смеялись и махали кому-то свернутыми в трубку журналами. Потом прошел рокер с крашеными волосами и в черной футболке «Гражданская оборона». Следом за рокером двигался толстячок в спортивной куртке с эмблемой сборной Германии. Потом шла блондинка в черном, парень с косичкой и еще много людей.

Димки среди них не было.

– Скажите, а там кто-нибудь еще остался? – упавшим голосом спросила Мария у пожилого мужчины, который вышел последним.

– Нет, – покачал тот головой. – Я в самом хвосте сидел.

Мария беспомощно посмотрела на мужа, как будто он мог каким-то образом объяснить ей, куда делся Димка, но тот лишь растерянно пожал плечами.

Глава 6

Тетерин сидел в бане и напряженно смотрел на часы. Мария дала ему твердые указания позвонить ей ровно через две минуты после того, как она войдет в дом. Тетерин следил за тоненькой стрелкой, шепотом отсчитывая секунды и прислушиваясь к детским крикам во дворе. Женька, Катя и Гулбахор играли там в прятки.

– Пора, – сказал сам себе Тетерин и набрал номер жены.

– Это я, – сдавленно произнес он в телефонную трубку. – Алло, это я – Тетерин. Мне нужно что-нибудь говорить?

На веранде практически все обитатели дома столпились вокруг Марии, которая говорила по телефону.

За те две минуты, что Тетерин следил за секундной стрелкой, она успела предварить их недоуменные вопросы, объяснив, что Димка задерживается и что он сейчас позвонит сам.

– Да, Дима, я слушаю, – говорила она в трубку, стараясь перекрыть голос Тетерина. – Хорошо... Да, да, поняла... В Благовещенске?. А когда?. Хорошо... Да, да, да... Нет, у нас все хорошо. Никто не нервничает, никто не волнуется. Хорошо, Димочка, ждем. Счастливо!

В отличие от Томки, Мария никогда не мечтала быть актрисой, но сейчас даже Станиславский сказал бы ей «верю». Она сама почти верила в то, что говорила по телефону с братом. Во всяком случае, ей очень хотелось в это поверить.

Притаившийся в бане Тетерин услышал в трубке короткие гудки, и в этот момент с улицы в предбанник, тяжело дыша, забежала Женька. Она хотела спрятаться здесь от Гулбахора.

– Папа? – удивилась она, увидев Тетерина. – А ты что тут делаешь?

– Звоню, – по-детски наивно ответил он и показал ей мобильник.

Когда они с Женькой вошли на веранду, Мария дожимала родню.

– Я же вам говорила, что все в порядке, а вы не верили.

– Что он сказал? – настороженно спросил Муродали.

– Сказал, что ничего особенного, – торопилась Мария. – Просто в Благовещенске груз задерживается, а он ждет. Какие-то проблемы на железной дороге.

Тетерин огромными глазами смотрел на жену. В своей лжи она была так убедительна, что он вдруг подумал: «А почему бы и нет? Может, у него и вправду телефон разрядился. Может, с отправкой груза что-то не так. Нет, она все же права. Надо подождать. Нельзя поднимать панику. У старика и без того с сердцем проблемы. День-два, и все выяснится».

И все же настроение обитателей дома на Озерной было не очень. Пылкие объяснения Марии хоть и смягчили удар, однако он все же остался ударом. Больше всех расстроилась Томка. Она хотела уязвить Марию за утреннее высокомерие и решила превзойти саму себя, приготовив ужин на целую роту, с тем чтобы Мария, Димка, Галина Семеновна и все остальные поняли наконец – кто в доме настоящая царица и пава. В общем, целый день она провела у плиты.

Когда Томка услышала, что брат не приедет, она закусил губу, изо всех сил пытаясь удержать слезы. Ей было обидно, что теперь никто не оценит ее стараний. Родня разбредется по комнатам, а вся эта гора снеди останется нетронутой. Томка отвернулась к окну, чтобы скрыть слезы, но Степан их заметил. Несмотря на внешнюю грубость своей профессии, он умел тонко чувствовать, а жену понимал и любил ровно так же, как понимал и любил свой КамАЗ. Малейшую неисправность в работе двигателя он определял на слух, поэтому теперь наверняка знал, что Томка плачет не только из-за того, что брат не приехал.

– Ну, а чего нос повесили? – громко сказал Степан. – Война, что ли? Стол накрыт.

От его слов обитатели дома наконец оживились и стали рассаживаться. Томка благодарно взглянула на мужа. Впрочем, в этой своей благодарности она не осталась одна. Мария тоже

мысленно сказала ему «спасибо». Степана в этой ситуации она боялась, пожалуй, больше всех остальных.

За столом не было одного Юрки. Забравшись на чердак еще до отъезда Тетериных в аэропорт, он так и не спустился оттуда ни разу за целый день. Есть он тоже отказывался. Галина Семеновна несколько раз звала его днем к обеду, но он притворялся спящим.

Примерно через полчаса после того, как все уселись за стол, Томка не выдержала и понесла сыну холодец. Она сделала это тайком от Степана, потому что тот злился на Юркино упрямство.

– Может, спустишься? – ласково спросила она, глядя, как сын уплетает холодец. – Я там ватрушки для тебя сделала.

– Ага, разбежался, – ответил Юрка с набитым ртом.

– Ну, неудобно же. Она ведь моя сестра. Ну, вышла замуж за таджика – с кем не бывает. Некоторые даже за негров выходят.

– Сравнила тоже, – сказал Юрка. – Негры в баскетбол играют.

– Таджики тоже, наверное, во что-нибудь играют, – Томка на секунду задумалась, пытаясь представить себе, во что играют таджики, но потом махнула рукой. – Да и не понимает он ничего по-ихнему.

– Ты-то откуда знаешь? – напористо спросил Юрка.

Томка развела руками, словно удивляясь нелепости вопроса.

– Ну, так видно же, – сказала она.

В этот момент снизу строгим голосом закричал Степан:

– Тома! А ну слазь оттуда!

– Иду, иду! – заспешила Томка.

Она подошла к лестнице, а потом снова повернулась к сыну.

– Давай спускайся! – прикрикнула она на него специально для Степана.

На веранде правила бал Мария. Она объявляла тост за тостом, подливала мужчинам, шумно вспоминала общее детство, старательно шутила и время от времени выбегала во двор, чтобы кому-то позвонить. Вернувшись, она снова развивала бурную деятельность. Женька внимательно следила за матерью.

– Папа, – шепнула она Тетерину. – Какая-то мама сегодня странная.

– Странная? – деланно удивился он. – Почему?

– Ну, не знаю, – пожала плечами Женька. – Веселая.

– Так это же хорошо.

Женька взяла телефон, который Мария положила на стол рядом с нею, и начала просматривать входящие звонки. Тетерин сообразил, что Димкиного номера там не будет, и склонился к дочери.

– Положи, – шепнул он. – Мама не любит, когда смотрят ее телефон. Сходи лучше за Юркой, а то как-то неловко получается.

* * *

Поднявшись на чердак, Женька уселась на старый сундук рядом с Юркиным гамаком. Он покосился на двоюродную сестру и продолжал курить, стараясь, впрочем, дымить в другую сторону.

– Ну, чего там? – лениво спросил он.

– Тебя ждут, – ответила Женька.

– Подождут.

Несколько секунд они помолчали.

– Слушай, я очень толстая? – неожиданно спросила Женька.

- Не парься, – выдохнул дым Юрка. – Люди бывают разные.
Женька насупилась.
- Уж кто бы говорил.
- В смысле? – Юрка посмотрел на сестру.
- У тебя же идеология, – насмешливо улыбнулась Женька. – Все должны быть одинаковые. Ты у нас типа Маугли – «Мы с тобой одной крови».
- Женька смешно нахмурилась, изображая обитателя джунглей.
- Чего ты несешь?
- Это не я. Это писатель Киплинг.
- Да по фигу мне, какой там писатель. Я тебе просто сказал, чтобы ты не парилась насчет своего веса.
- Ты же паришься из-за своих проблем, – Женька снова перешла в наступление. – Сидишь тут как сыч. Девочки маленькой испугался.
- Я испугался? Ты чего, совсем?
- Да ладно тебе, – махнула рукой Женька. – У всех свои заморочки. Признайся, что твои несколько не лучше моих.
- Юрка перестал раскачиваться в гамаке и внимательно посмотрел на Женьку. В ее тоне он уловил что-то новое, что-то очень серьезное – такое, что заставило его согласиться.
- Наверно, не лучше. Только у меня это не заморочки.
- Женька почувствовала, что Юрка вдруг снял защиту. Она больше не ощущала в нем той нарочитой злости, которую он обычно использовал как панцирь. Сейчас он был откровенен.
- Тогда скажи – я очень толстая? – неожиданно потребовала она.
- Застигнутый врасплох Юрка не успел уклониться от ответа.
- Есть немного.
- Женька помолчала, как будто укладывала эти два слова у себя в голове, потом встала с сундука и просто сказала:
- Спасибо.
- После этого она молча спустилась по лестнице.
- Юрка вскочил со своего гамака и бросился вниз за Женькой.
- Подожди! – закричал он. – Постой!
- Когда он вбежал следом за ней на веранду, там царил праздничный Восток. Из принесенного Степаном магнитофона громко звучала таджикская народная музыка. Практически никто не сидел, все стояли, а в центре образовавшегося круга танцевала крохотная Гулбахор. Она изящно крутила над головой кистями рук, вращалась вокруг своей оси и прогибалась назад, смешно запрокидывая локоточки, блестя глазами, перебирая ладошками в воздухе, как будто играла на невидимой арфе, и успевая при этом улыбаться взрослым, которые вне себя от восторга дружно ей хлопали и смеялись. Мария даже пыталась изобразить знойную восточную женщину, закрывая нижнюю половину лица кухонным полотенцем, повторяя руками движения Гулбахор и двусмысленно покачивая бедрами. Муродали, сверкая зубами, азартно выступивал на перевернутом ведре сложный восточный ритм.
- Юрка остановился на пороге, глядя на танцующую Гулбахор и Муродали. Эти люди, которые, по его мнению, были низшими существами и не имели права на такие же, как у него, чувства, на такие же, как у него, праздники, сейчас прямо перед ним проявляли эти чувства во всей полноте. Но самым странным для Юрки было даже не это. Совершенно чуждая и, в общем-то, ненавистная ему музыка стала вдруг не чужой для очень близких ему людей. Его дед и бабушка, и даже отец – все они были так неподдельно веселы, счастливы и так искренне восхищались маленькой Гулбахор, что у Юрки от ненависти потемнело в глазах.
- Заметив его, Гуля прекратила свой танец.
- Дядя Юра пришел! – закричала она и побежала к нему, чтобы обнять.

Юрка инстинктивно сделал шаг назад, переступая через порог. Не ожидавшая этого движения девочка запнулась и упала, но он даже не попытался подхватить ее. Гулбахор заплакала, и Тетерин, стоявший к ней ближе всех, взял ее на руки.

– Ты чего? Это ведь ребенок! – закричала Томка на своего сына.

На веранде повисла гнетущая тишина.

– Достали вы все, – сквозь зубы пробормотал Юрка.

– Ты как с матерью разговариваешь? – подал голос Муродали.

Его возмутил не столько поступок Юрки, сколько неуважение к старшим. Он был воспитан совершенно иначе.

– Тебя не спросил! – несло Юрку.

Степан рванулся к сыну.

– А ну иди сюда!

– Да пошли вы!

Юрка, который стоял на границе падающего с веранды света, резко повернулся и растворился в темноте.

* * *

Поздно вечером Валя помыла девочек, укутала их в одеяла и уложила на свою кровать. Катя никак не могла расстаться с Гулей, и Валя разрешила им побыть вместе еще немного.

– Мама, – вдруг позвала Гулбахор. – А Юра плохой?

– Нет, он не плохой... Просто с ним случилась беда.

Катя тут же испугалась за брата.

– Какая беда?

Валя на секунду задумалась.

– А вы помните сказку про мальчика, которому в сердце попал осколок ледяного зеркала? – спросила она.

– Я помню! – закричала Катя и от нетерпения даже выпрыгнула из одеяла.

– Я тоже помню, – расстроилась Гуля. – Мам, почему она всегда первая говорит?

– Только не ссориться, – мягко сказала Валя. – А то не буду дальше рассказывать.

– Рассказывай, рассказывай, – зашептали девочки и прижались друг к другу.

– Так вот, – продолжала Валя, расчесывая Кате волосы. – Этот мальчик стал злой, капризный и перестал любить свою сестру. Но он был не виноват. Виноват во всем злой волшебник.

– Который расколол зеркало, – снова не утерпела Катя.

– И Снежная королева, – слегка обиженно добавила Гуля.

– Которая у Женки в альбоме! – Катя не унималась.

– Да, да, – кивнула Валя, стараясь не обращать внимания на их соперничество. – А спасла его маленькая девочка.

– Герда! – закричала Катя.

– Она сумела растопить его сердце, – продолжала Валя, – и ледяной осколок растаял.

Гуля вдруг загрустила.

– Значит, Юре сейчас холодно, – прошептала она.

– Да, – сказала Валя. – Думаю, очень холодно.

За спиной у нее скрипнула дверь, и в комнату заглянул Тетерин.

– Ты Марию не видела? – смущенно улыбнувшись, спросил он.

– Нет, – покачала головой Валя.

– А-а... Ну, тогда извини.

Он осторожно прикрыл дверь и пошел в свою комнату. Восточные упражнения Марии, во время танца маленькой Гулбахор, произвели на него неизгладимое впечатление. Ее покачи-

вающиеся бедра стояли у него перед глазами, поэтому он даже запнулся в темном коридоре, входя в свою комнату. Вместо того чтобы улечься на раскладушку, которую Иван Александрович починил для него по просьбе Марии, он быстро скинул одежду и юркнул под одеяло в ее постель. В голове у него звучала многообещающая таджикская мелодия с кассеты Муродали.

Сама Мария, ни сном ни духом не подозревающая о том, что ее ожидает, расспрашивала на кухне Галину Семеновну про Димкин адрес в Китае.

– Ну, бумажка такая, – говорила она. – Помнишь, Димка дал тебе перед отъездом?

– Бумажка? – Галина Семеновна перестала вытирать посуду. – В шкатулку, кажется, положила. У отца в комнате на комод.

Мария стремительно прошла в комнату Ивана Александровича, где тот азартно играл с Женькой в «Чапаева».

– Женья, спать быстро, – на автомате сказала Мария и взяла с комода шкатулку.

– Я сейчас, – также автоматически ответила Женька, даже не двинувшись с места и продолжая шелкать пальцем по шашкам.

Те разлетались по всей комнате, и это бесило Марию, которая вынимала из шкатулки старые телеграммы, открытки и зачем-то хранившиеся там кассовые чеки из магазина. Димкиного адреса она найти не могла.

– Кому все это надо? – пробормотала Мария и повернулась к дочери: – Женья, я кому сказала!

Женька вскочила на ноги и быстро ушла из комнаты.

– Мама, здесь ничего нет, – закричала Мария в сторону кухни.

Галина Семеновна с полотенцем в руках зашла в комнату и посмотрела на открытую шкатулку.

– Ну, значит, отец перепрятал, – сказала она.

– Что перепрятал? – спросил Иван Александрович, собирая шашки в коробку.

– Пап, в этой шкатулке Димкин адрес лежал в Китае. Где он?

– Бумажка-то? – на чистом глазу сказал Иван Александрович. – Так я от детишек спрятал.

А то утащат ведь – потом не найдешь.

– Куда спрятал? – повысила голос Мария.

Иван Александрович хотел ей ответить, потому что он твердо знал, где эта бумажка лежит, но в следующую секунду он осознал, что не помнит, и от этого испугался. Беспомощно посмотрев на дочь, а потом на жену, он виновато опустил голову.

– Папа! – не удержалась от упрека Мария.

– А зачем тебе адрес? – неожиданно спросила ее Галина Семеновна.

Мария посмотрела на мать и ринулась вон из комнаты.

Войдя к себе, она плотно закрыла дверь, вынула телефон и быстро набрала Димкин номер. Механический голос в трубке начал что-то говорить по-китайски.

– Да чтоб вам пусто было! – чертыхнулась Мария.

За сегодняшний вечер она выслушала эту галиматью уже раз десять, не меньше.

– Ну, куда же ты делся? – чуть не плача, проговорила она и без сил опустилась на свою постель.

Усевшись прямо на Тетерина, который притаился в ее кровати и грезил об одалисках, она закричала, вскочила на ноги и, не контролируя себя, швырнула в него свой телефон. Тетерин испуганно спрятался под одеяло.

Через секунду Мария пришла в себя и стащила одеяло с мужа. Тот, скрючившись, лежал на ее постели в одних трусах. Не зная, как справиться с конфузом, он закрыл глаза и зачем-то притворился спящим.

– Это еще что такое? – строго спросила Мария, но потом не удержалась и фыркнула от смеха.

Приободренный Тетерин открыл глаза.

– Я думал... мы теперь соратники...

– Соратники? – Мария засмеялась уже в полный голос. – Как Ленин и Надежда Константиновна?

– Ну, не совсем... – мямлил Тетерин, поднимаясь с кровати.

– Иди отсюда, горе луковое. Не до тебя сейчас. Куда мой телефон завалился?

Она опустилась на колени и заглянула под кровать.

Тетерин грустно посмотрел на жену, невольно оказавшуюся в крайне соблазнительной позе, и вздохнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.